

Омакаева Э.У.

О НОВЫХ ПОДХОДАХ И МЕТОДАХ ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА*

В настоящей статье рассматриваются основные понятия, формирующие целостное представление синтаксического компонента калмыцкого языка как важнейшего фрагмента языковой системы в целом и грамматического строя в частности. По мнению Л.В. Щербы, «грамматика в сущности сводится к описанию существующих в языке категорий» (Щерба 1957, 12). Отправной точкой описания должен служить системный подход к изучению языковых явлений. Как известно, условием реализации речевой деятельности, понимаемой как «система речевых действий и операций, выполняемых в процессах порождения и восприятия текста» (Касевич 1988, 10), является наличие языковой системы. Любая система представляет собой определенным образом структурированную совокупность элементов (компонентов), объединенных общей функцией.

Нас интересуют прежде всего такие традиционные компоненты языковой системы, как морфологический и синтаксический. Традиционно основными разделами описания грамматического строя калмыцкого языка были грамматическое учение о слове (морфология) и грамматическое учение о предложении (синтаксис). Каждый компонент (подсистема) описывался автономно, без учета взаимосвязей между морфологией и синтаксисом. Между тем, функционирование грамматических категорий (например, глагольной категории времени и наклонения) в высказывании свидетельствует о наличии в системе речевой деятельности связей не только между морфологией и синтаксисом, но и морфологией и семантикой. Категория времени, будучи семантической, формально находит выражение в словоформе, изучением которой занимается морфология. Что касается наклонения, то оно обычно трактуется как способ выражения модальности – категории весьма неопределенной и расплывчатой, не получившей характеристики в грамматиках калмыцкого языка. Между тем модальность высказывания была исследована монгольским ученым Монх-Амгаланом и бурятским лингвистом на материале соответствующих языков. Сложность трактовки данной категории в калмыцком языке определяется тем, что, во-первых, форманты индикатива и времени являются однопорядковыми, во-вторых, императив связан не с выражением модальности, как индикатив, а с передачей коммуникативной установки, а это две разные семантические категории. Такие факты послужили основанием для выведения императива вообще за рамки категории наклонения и для объединения последней с категорией времени (Володин, Храковский 1977).

Трудность теоретического осмысления ряда явлений, составляющих грамматическую категорию, состоит в том, что каждое явление должно быть понято в его закономерных взаимосвязях с другими явлениями. Как пишет В.Б. Касевич, «выясняя значение грамматических форм, мы должны исходить из того, что хочет сообщить говорящий употреблением данной формы, т.е. как он интерпретирует некоторый факт действительности» (Касевич 1977, 72).

Таким образом, грамматические особенности калмыцкого языка, зафиксированные в нормативных грамматиках, требуют уточнения и переосмысления в свете новейших достижений современной лингвистической науки.

Ядро морфологического компонента калмыцкого языка представлено в последней грамматике (Грамматика калмыцкого языка 1983) классифицирующими (лексико-

грамматическими) категориями частей речи (в другой терминологии - классов слов). Внутри каждой части речи выделяются формообразующие категории. Например, для имен существительных называются только категории падежа и числа. Не совсем понятно, имеет ли место в калмыцком языке категория притяжания. Среди важнейших глагольных грамматических категорий отмечаются категории наклонения и времени, вида, залога, переходности/непереходности. Кроме вышеуказанных проблем в отношении выделения категорий глагола, необходимо обратить внимание и на сложность семантического устройства таких категорий, как вид, каузатив и др. Видимо, следует ввести в грамматическое описание и категорию таксиса. При подготовке новой грамматики представляется важным учесть результаты недавних исследований ученых в области изучения именных (Трофимова 2001 и др.), глагольных (Кузьменков 1984, Дугарова 1991, Харчевникова 1995 и др.) категорий.

Глагол является, наряду с существительным, одной из двух основных частей речи (классов слов) в монгольских языках. Любая часть речи должна описываться не только с точки зрения формы, но и содержания, и функции. Специфика глагола заключается в том, что он обозначает действие, свойство, состояние или отношение как процесс, происходящий во времени и соотносящийся с субъектом. В этом отличие глагола от существительного, которое тоже может обозначать действие, но в отвлеченной от времени форме. Основная синтаксическая функция глагола — сказуемое, выраженное личной формой глагола.

Глагол представляется нам самой сложной в грамматическом отношении частью речи. Выявить систему глагола — значит определить границы глагольной системы (круг форм) и ее внутреннюю организацию (семантические оппозиции). Теоретическое осмысление данных вопросов — необходимое условие характеристики производных конструкций монгольских языков. Затруднения вызывает определение статуса некоторых глагольных образований. Так, для монгольских языков характерно употребление рядом двух глагольных форм — причастная или деепричастная + личная глагольная форма. Возникает закономерный вопрос: это аналитическая форма глагола или синтаксическая конструкция?

В лингвистической литературе неоднократно указывалось на важность разграничения морфологических и синтаксических категорий, а также использования грамматической категории как основания для сопоставления в типологическом плане родственных и неродственных языков. Как пишет Л.С. Ермолаева, «такой подход приносит наиболее ощутимые результаты, так как подсказывается самой онтологией описываемого объекта» (Ермолаева 1987, 19). При этом следует иметь в виду, что даже в близкородственных языках состав морфологических и синтаксических категорий может не совпадать. Даже при наличии в сопоставляемых языках сходных категорий они различаются удельным весом грамматических средств выражения. Кроме того, отдельные категории могут вообще отсутствовать в одном из сопоставляемых языков. Так, например, в монгольском языке нет глагольной категории лица-числа, а в калмыцком она имеется. В монгольских языках по сравнению с русским нет грамматической категории рода, но есть категория каузатива, которая отсутствует в русском языке.

Одним из недостатков существующих грамматических описаний калмыцкого языка является нерепрезентативность иллюстративного языкового материала, т.е. ограниченное, недостаточное количество примеров, что не позволяет сформировать представление о системном характере той или иной грамматической категории и освещает ее несколько односторонне без учета системных межуровневых и внутриуровневых связей. Слова обычно рассматриваются как словоформы и как лексемы, поэтому при выявлении категорий слова необходимо как учитывать как минимум оба аспекта — лексикологический (лексикографический) и морфологический.

Исходя из коммуникативно-знаковой природы языка, рассмотрим синтаксический компонент калмыцкого языка в качестве основы системности языка в целом. Представляется целесообразным выделять валентностные категории, которые относятся к так называемым скрытым категориям. Выделение классов слов (глаголов) по их

валентности позволяет выделить модели глагольного управления и в конечном итоге модели элементарных синтаксических конструкций, составляющих основу синтаксиса любого языка.

Валентность обычно определяется как способность слова сочетаться с другими словами. Термин был введен, как известно, Теньером в отношении глагола. Впоследствии стали изучаться сочетательные возможности и других частей речи. В отечественной лингвистике валентностная проблематика разрабатывалась прежде всего в рамках лексической семантики (Ю.Д. Апресян, И.А. Мельчук и др.). И это не случайно. Описание значения слова (глагола) невозможно без указания на его валентности.

Под лексикографическим толкованием глагольной лексемы понимается перечисление всех участников ситуации, обозначаемой лексемой, - участников, на которых эта ситуация с необходимостью распространяется. Будем считать, что лексема имеет валентность на X, если в ее толковании упоминается имя X – обязательного участника ситуации. Такого рода валентность является обязательной. Помимо этого существуют и факультативные (необязательные) валентности. Если обязательные валентности отражают участников ситуации, которые должны в ней участвовать, чтобы данная ситуация имела место, то факультативные отвечают тем участникам ситуации, которые могут в ней участвовать.

От семантических, или содержательных валентностей отличаются синтаксические, или формальные валентности, которые так же бывают структурно обязательными и необязательными (факультативными). Обязательные синтаксические валентности должны быть замещены, чтобы соответствующая конструкция могла использоваться как неэллиптическая – без опоры на контекст. Незамещенные факультативные валентности не делают конструкцию эллиптической. В наименьшей степени различаются синтаксические и семантические валентности на материале элементарных синтаксических конструкций (ЭСК). Элементарными являются такие предикативные конструкции, которые являются контекстно свободными, минимальными по составу, неэллиптическими и не могут быть представлены в качестве трансформации какой-либо другой конструкции /Касевич 1988/. Сказанное означает, в частности, что в ЭСК замещены лишь обязательные валентности.

Сравнительный анализ моделей глагольного управления в калмыцком и русском языках требует определения некоего исходного списка русских и калмыцких глаголов, систематизированного в виде пар семантически эквивалентных лексем (русский глагол – калмыцкий глагол), установления модели управления для каждого глагола.

В качестве основания для составления списков глаголов может быть избран признак частотности. Полученные списки должны быть сопоставлены таким образом, что каждому глаголу одного списка подбирался эквивалент из другого. Конечно, далеко не все глаголы смогут образовать такие пары, поскольку списки наиболее частотных глаголов русского и калмыцкого языков не совпадают, а лишь пересекаются. Для глаголов, оставшихся за пределами области пересечения, эквиваленты могут быть подобраны из переводных словарей.

При составлении общего списка калмыцких и русских глагольных лексем необходимо стремиться к взаимно однозначному соответствию между его русской и калмыцкой частями. Вполне естественно, при выполнении этой задачи встретились определенные трудности. Причины их носят разный характер. Первая касается проблемы категории глагольного вида, семантическое устройство которой довольно сложно.

Еще более сложную систему образуют глаголы движения. Помимо них выделяется целый ряд меньших (включающих по два-три члена) групп глаголов, имеющих неоднозначные корреляты. Эти и другие трудности, возникающие в процессе поиска семантических эквивалентов для отдельных глаголов, требуют специального обсуждения.

Для полученных в конечном счете коррелирующих пар русских и калмыцких глаголов необходимо построить модели управления. Семантические поля членов пары в большинстве случаев могут не совпадать полностью, а лишь пересекаться, но поскольку эти глаголы интересуют нас лишь как эквиваленты друг друга, мы должны учитывать

только модели управления, соответствующие именно (и только) пересекающимся значениям членов коррелирующей пары.

За основной вариант, на основе которого строится модель ЭСК, принимается фраза с фиксированной (конечной) позицией сказуемого: актант/актанты – сказуемое (глагол). Для ЭСК и строятся в первую очередь модели управления. Далее учитываются трансформы этих конструкций, и трансформационные потенции глаголов служат одним из параметров классификации глагольных лексем.

Мы учитываем трансформы лишь двух видов: развертывания (или распространения) и свертывания. К трансформации распространения в первую очередь относится введение сирконстантов и разного рода определений. В какой-то мере к ней можно отнести и введение отрицаний, модальных и фазовых глаголов и некоторых других слов. Но это – особый тип трансформации; в частности, модальные и фазовые глаголы перестраивают конструкцию, вытесняя ядерный глагол исходной фразы и становясь синтаксической вершиной образуемого ими высказывания. Очевидно, такое изменение фразы все же ближе к трансформации вставления, когда мы имеем дело с правилами введения одной ЭСК в другую. С другой стороны, распространение за счет определений или замена одиночного именного актанта группой слов, эквивалентной ему по своим синтаксическим функциям, действует, как правило, внутри конкретного синтаксического узла вне зависимости от его роли в предложении /Касевич 1988, 119/. Поэтому под трансформацией распространения мы будем подразумевать лишь введение сирконстантов, которые непосредственно связаны с ядерным глаголом и отражают его факультативные валентности.

Другой вид неэлементарных синтаксических конструкций, учитываемых в нашем исследовании, это фразы, получаемые из ЭСК в результате трансформации свертывания. Этот вид трансформации в типичном случае связан с правилами эллипсиса. Однако в отличие от эллиптирующих трансформаций, делающих исходное предложение неполным, учитываемые нами трансформации свертывания, в результате которых исходная фраза опускает тот или иной актант, не приводят к эллиптической ущербности высказывания. Ряд глаголов в каждом из рассматриваемых языков может употребляться без второго (и/или третьего) актанта, давая при этом законченные, контекстно свободные фразы. Другие глаголы допускают опущение актанта лишь при условии его частичного замещения разного рода сирконстантами. В этом случае свертывание сопровождается развертыванием.

Таким образом, модели управления глаголов калмыцкого и русского языков строятся в первую очередь для ЭСК, затем для конструкций, полученных из ЭСК в результате применения к ним трансформаций развертывания и свертывания в том смысле и объеме, который был очерчен выше. Каждая модель управления отражает определенный класс однотипных предложений языка и представляет собой с формальной точки зрения набор символов, соответствующих различным классам, подклассам слов или же конкретным словам, связанным друг с другом отношениями подчинения. Дается подробное описание моделей управления для всех русских и английских глаголов, входящих в сформированные списки.

К проведению сопоставительного анализа моделей глагольного управления естественно подходить как к сравнению классификаций этих моделей. Поскольку каждая такая модель лежит в основе предикативной синтаксической конструкции, указанная задача оборачивается сопоставлением систем предикативных конструкций.

Возможны разные пути подобного сопоставления. Наиболее удобным представляется такой, когда сначала отдельно и независимо классифицируются конструкции каждого из языков, а затем полученные классификации сопоставляются. При наложении классификаций и выявляются как зоны общего, так и зоны расхождений, которые представляют равным образом теоретический и практический интерес.

Основные параметры, по которым проводится классификация, таковы: 1) число валентностей глагола или, иначе, актантов образуемой им конструкции; 2) реальное наполнение той или иной валентности конкретного глагола – выбор падежной или послеложно-падежной формы именной лексемы, занимающей позицию актанта, и 3) трансформационные потенции ЭСК, соответствующей глагольной лексеме.

Первые два параметра, положенные в основу анализа глаголов, учитываются при рассмотрении только ЭСК.

По числу актантов все глаголы делятся на три класса: одновалентные, двухвалентные и трехвалентные. Признак формального выражения актантов дает возможность разбить каждый из этих классов на группы. В первую очередь этот признак актуален для двух- и трехвалентных глаголов, демонстрирующих наибольшее разнообразие в оформлении второго и третьего актантов (сказанное отнюдь не означает, что форма первого актанта всегда одна и та же). Этот признак значительно более существенен для русских глаголов, так как русский язык отличается богатством падежных форм. Кроме собственно именных актантов учитываются и возможности конкретных глаголов управлять предикативными актантами, в том числе зависимыми конструкциями, придаточными предложениями разного рода и “прямой речью”.

Последний этап систематизации глаголов – учет трансформационных потенций образуемых ими конструкций как классификационного дифференциального признака. Способность ЭСК, отвечающих тем или иным глаголам, подвергаться различным трансформациям используется в пределах уже выделенных групп и подгрупп глаголов, открывая возможность их дальнейшего разбиения на еще более мелкие и более однородные по своим синтаксическим характеристикам множества.

Представленная в работе классификация отражает результат наложения полученных нами систем глаголов русского и калмыцкого языков. Каждая выделенная группа (подгруппа) – это определенный класс глаголов, отвечающих ЭСК конкретного типа. Модели управления русских глаголов и модели управления калмыцких глаголов определенным образом приравниваются друг другу, т.е. сводятся в соотносимые пары. Тем самым удается установить принадлежность к единой группе (подгруппе) в равной степени русских и калмыцких глаголов. Иными словами, если русскому глаголу и его калмыцкому корреляту отвечают ЭСК с моделями управления, признанными аналогичными, оба глагола включаются в одну и ту же группу (подгруппу), но если модели ЭСК таких глаголов расходятся по существенным признакам, то русский глагол и его калмыцкий коррелят попадают в разные группы (подгруппы).

Ниже производится список основных ЭСК калмыцкого языка (в скобках указаны наиболее типичные глаголы, образующие данную конструкцию).

1. $Ac_1 (Abs) + V I / ирхе_1$ “приходить”, $ирхе_2$ “приходить, появляться”, $нархъ_2$ “выходить, появляться”, $орхъ_2$ “идти, падать (об атмосферных осадках)”, $унтхъ$ “спать”, $бусълхъ$ “кипеть”/.

2. $Ac_1 + V I / бөөхе$ “иметь место”, $болхъ$ “наступать”, $эжелхе$ “начинаться”, $чилхе$, $дуусхъ$ “кончатся”/.

3. $Ac_1 (Abs + Com) + V I / харһхъ$ “встречаться”, $золһхъ$ “приветствовать”, $мэнделхе$ “здороваться”, $ханилхъ$ “дружить”, $ниилхе$ “объединяться”/.

4. $Ac_2 (Abs) + Ac_1 + V II /$ глаголы-связки $бөөхе$ “быть, есть”, $болхъ$ “становиться”/.

5. $Ac_2 (Abs) + Ac_1^{com} + V II /$ глаголы-связки $бөөхе$ “быть, есть”, $болхъ$ “становиться”/.

6. $Ac_1 (Exp) + Ac_2^{dat} (Ex) + V II / иткхе$ “верить”, $һундхъ$ “обижаться”, $байрълхъ$ “радоваться”, $нөөлхе$ “надеяться”/.

7. $Ac_1 (Abs) + Ac_2^{dat/dir} (Term) + V II / орхъ_2$ “входить”, $шингехе$ “проникать”/.

8. $Ac_1 (Abs) + Ac_2^{dat} (Term) + V II / курхе_2$ “достигать”, $тусхъ$ “попадать, падать”/.

9. $Ac_1 (Abs) + Ac_2^{dat/дээр} (Term) + V II / одхъ$ “отправляться”/.

10. $Ac_1 (Abs) + Ac_2^{dat/дээр} (Loc) + V II / бөөхе$ “находиться, располагаться”, $бөөршелхе$ “располагаться”, $багтхъ$ “помещаться”/.

11. $Ac_2^{dat} (Loc) + Ac_1 (Abs) + V II / бөөхе$ “иметься, быть в наличии”/.

12. $Ac_1 (Abs) + Ac_2^{dat} (Com) + V II / таархъ$ “подходить”, $зокхъ$ “соответствовать”/.

13. $Ac_1 (Abs) + Ac_2^{dat} (Goal) + V II / бэлдхе$ “готовиться”, $сурхъ$ “научиться”, $дасхъ$ “привыкать”, $заншхъ$ “привыкать”/.

14. $Ac_1 (Abs) + Ac_2^{dat} (Ben) + V II / тусльхъ$ “помогать”/.

15. $Ac_1 (Abs) + Ac_2^{acc} (Res) + V II / бичхе$ “писать”, $зурхъ$ “рисовать”, $уйхъ$ “шить”/.

16. $Ac_1(Ag) + Ac_2^{acc}(Pt) + V II$ /алхь “убивать”, сэкхе “открывать”, арчхь “вытирать”, умшхь “читать”, идхе “есть”, уухь “пить”, хаахь “закрывать”/.
17. $Ac_1(Exp) + Ac_2^{acc}(Ex) + V II$ /үзхе “видеть”, ажгълхь “наблюдать”/.
18. $Ac_1(Exp) + Ac_2^{acc/тухай}(Ex) + V II$ /ухалхь “думать”, санхь “думать, вспоминать”, мэлдхе “знать”/.
19. $Ac_1(Abs) + Ac_2^{acc/dir/тал}(Term) + V II$ /хөлөхе “смотреть”, ширтхе “вглядываться”/.
20. $Ac_1(Rec) + Ac_2^{acc}(Abs) + VII$ /авхь “получать”, олхь “находить”/.
21. $Ac_1(Abs) + Ac_2^{acc}(Ben) + V II$ /харсхь “защищать”, авърхь “спасать”, дөңнехе, дэмжхе “поддерживать”/.
22. $Ac_1(Abs) + Ac_2^{abc}(Abs) + V II$ /нархь₂ “выходить”, салхь “отделяться”, мөлтерхе “избежать, выскользнуть”, сүлдхь “избавляться, освобождаться”, тасърхь “отбиться”/.
23. $Ac_1(Exp) + Ac_2^{abi}(Ex) + V II$ /ичхе “стыдиться”, өөхе₂ “бояться”, эмөхе “стесняться”/.
24. $Ac_1(Abs) + Ac_2^{com}(Com) + V II$ /харһьхь “встречаться”, учърхь “встречаться”, ханыцхь “дружить”, ниилхе “объединяться”/.
25. $Ac_1(Ag) + Ac_2^{instr}(Pt) + V II$ /оралдхь “возиться”/.
26. $Ac_1(Ag) + Attr^{gen} + Ac_2^{instr}(Pt) + V II$ /тэверхе “обнимать”/.
27. $Ac_1(Ag) + Attr^{gen} + Ac_2^{dir}(Pt) + V II$ /цокхь “бить”, дэвсхе “ударять”/.
28. $Ac_1(Don) + Ac_3^{dat}(Rec) + Ac_2^{acc/тухай}(Abs) + VIII$ /кэлхе “говорить”/.
29. $Ac_1(Don) + Ac_3^{dat}(Rec) + Ac_2^{acc/aa}(Abs) + VIII$ /өгхе “давать”, бэлгелхе “подарить”/.
30. $Ac_1(Ag) + Ac_3^{dat/dir}(Term) + Ac_2^{acc/aa}(Pt) + VIII$ /төвхе “ставить”, кэхе “класть?”, наливать”, дүрхе “погружать, опускать”, чикхе “набивать, пихать”, өлгхе “повесить”/.
31. $Ac_1(Ag) + Ac_3^{instr}(Ins) + Ac_2^{aa/acc}(Pt) + VIII$ /боохь “завязывать, обвязывать”, орахь “обвертывать”/.
32. $Ac_1(Ag) + Ac_3^{dat}(Ins) + Ac_2(Pt) + VIII$ /боохь “завертывать”, орахь “завертывать”/.
33. $Ac_1(Ag) + Ac_3^{acc}(Pt) + Ac_2^{instr}(Nom) + VIII$ /сунһьхь “выбирать”, шиидхе “назначать”/.
34. $Ac_1(Ag) + Ac_3^{acc}(Pt) + Ac_2^{гэж}(Nom) + VIII$ /нэрэдхе “называть”, дуудхь “называть”, үзхе₂ “считать кого, что-либо кем, чем-либо”, санхь₂ “считать кого, что-либо кем, чем-либо”/.

В производных конструкциях фиксированное соотношение синтаксических и семантических единиц исчезает, хотя I актанта сохраняет свою формальную маркировку (за исключением ЗК, где при определенных условиях I актанта может получить другие формально-грамматические признаки).

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие Евразии» (проект «Лингвистический ландшафт Евразии: Грамматический строй калмыцкого языка в сравнительно-историческом и сопоставительно-типологическом освещении»).

Использованная литература

1. Володин А.П., Храковский В.С. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение) // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.
2. Дугарова Г.С. Глагольный вид в современном монгольском языке. Новосибирск, 1991.
3. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М., 1987.
4. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
5. Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. Л., 1984.

6. Трофимова С.М. Именные части речи в монгольских языках. Улан-Удэ, 2001.
7. Харчевникова Р.П. Система глагольных наклонений в современном калмыцком языке. Элиста, 1995.
8. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.